
УДК 316.613.4

DOI: 10.31249/rsoc/2023.02.03

ЯКИМОВА Е.В.* ЭМОЦИИ В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ: НОВЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ. (Обзор)

Аннотация. Обзор посвящен поиску современными социологами новых теоретических моделей и концептуальных схем для осмысления изменившихся социальных функций эмоций в XXI в., в особенности – феномена страха как ключевой характеристики обществ позднего модерна.

Ключевые слова: эмоции; эмоционализация социальной жизни; эмоциональный поворот; аффективный поворот; терапевтическая культура; постпарадигмальный анализ; социальная эпистемология; эмоциональный капитализм; страх; COVID-19.

Для цитирования: Якимова Е.В. Эмоции в публичной сфере : новые аналитические подходы. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 2. – С. 42–61. DOI: 10.31249/rsoc/2023.02.03

Статья поступила: 06.03.2023.

Принята к публикации: 05.04.2023.

YAKIMOVA E.V.** Emotions in the public sphere: new analytical approaches. (Literature review)

* Якимова Екатерина Витальевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; e.yakimova2011@yandex.ru

** Yakimova Ekaterina Vital'evna – Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; e.yakimova2011@yandex.ru

Abstract. The review is devoted to the search by contemporary sociologists for new theoretical models and conceptual schemes needed for comprehending the now different social functions of emotions in the 21st century, in particular those of the phenomenon of fear as a key feature of late modern societies.

Keywords: emotions; emotionalization of social life; emotional turn; affective turn; therapeutic culture; post-paradigmatic analysis; social epistemology; emotional capitalism; fear; COVID-19.

For citation: Yakimova E.V. Emotions in the public sphere : new analytical approaches. (Literature review). Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 2. – P. 42–61. DOI: 10.31249/rsoc/2023.02.03

Received: 06.03.2023.

Accepted: 05.04.2023.

В обзор включены статьи из международного журнала *Emotions and society* за 2020–2022 гг., посвященные теоретическим и метатеоретическим аспектам социального анализа эмоций и перспективам развития этой социологической субдисциплины в XXI столетии. Авторы выдвигают на первый план необходимость разработки обновленной парадигмы изучения эмоций как социальных явлений и предлагают свои варианты обобщенной социальной теории, которая будет релевантна задаче контекстуального прочтения современного облика и функций эмоционального опыта в глобальном мире.

В статье Джулии Лернер (Университет им. Бен-Гуриона в Негеве, г. Беэр-Шева, Израиль) и Мишель Ривкин-Фиш (Университет Северной Каролины, г. Чапел-Хилл, США) рассматривается эмоциональное «насыщение» современной культуры как ее ключевая характеристика; обсуждению также подлежит эвристическая ценность понятия «эмоционализация публичных сфер», которое набирает популярность в социальном знании на протяжении двух последних десятилетий [Lerner, Rivkin-Fish, 2021]. Эмоционализация, или превращение эмоций в важнейший фактор формирования и функционирования социальных институтов в самых разных сегментах жизни общества (политика, экономика, администрирова-

ние, государственное управление, медицина, здравоохранение, образование), а также организации внутреннего мира человека и межличностных отношений, является неотъемлемой чертой терапевтической культуры наших дней. В культурно-терапевтическом контексте «эмоциональные потребности и ресурсы, переведенные на язык рыночной экономики, становятся атрибутом эмоционального капитализма и консьюмеристской логики», – подчеркивают авторы [Lerner, Rivkin-Fish, 2021, p. 6].

Эмоционализация социальной жизни в той или иной ее форме стала предметом обсуждения социологов на рубеже XX–XXI столетий; социальные аналитики использовали такие понятия, как эмоциональная рефлексия, социальная паника, публичный оптимизм и т.п. Различие терминов и дефиниций не противоречило констатации того факта, что в современном западном обществе эмоции и их социальные роли претерпевают радикальные качественные изменения. Сказанное не означает, что люди прежних эпох были менее эмоциональны, чем наши современники. Дело в том, что сегодня эмоциональные параметры социального и личностного бытия, а также продиктованные ими формы публичных, аффективно окрашенных поведенческих реакций, социальных представлений и оценок становятся главенствующими, стержневыми, базовыми факторами культуры. В XXI столетии люди рассуждают и действуют в соответствии с теми или иными предписаниями и нормативами эмоционального дискурса.

В переосмыслении природы и социальных функций эмоций существенную роль сыграли два эпистемологических поворота в социальном знании, продолжают авторы. Один из них, известный как эмоциональный поворот, выдвигает на первый план дискурсивные, интерактивные и культурно-исторические составляющие эмоций, которые трактуются как подвижные социальные конструкции. Более поздний, аффективный поворот возник на гребне интереса социальных аналитиков к нейроисследованиям; с этих позиций эмоции рассматриваются как воплощенные / материальные сущности когнитивной либо социальной природы, которые подвержены исторической трансформации и сами участвуют в изменении социокультурных пространств. По мнению Лернер и Ривкин-Фиш, оживленный диалог сторонников и противников каждой из этих теоретических моделей эмоций как элементов социальной

жизни можно рассматривать в качестве примера эмоционализации современной культуры, в данном случае – на уровне метатеории [Lerner, Rivkin-Fish, 2021, p. 6].

Третьим эпистемологическим фактором, способствовавшим предельному эмоциональному насыщению социальной жизни в нынешнем столетии, авторы считают терапевтический поворот в социальных науках, который создал предпосылки для становления и упрочения терапевтической культуры наших дней. Терапевтическая культура – это стержень и формирующий фактор частных и публичных форм мышления и их отражения в коллективном дискурсе. Суть терапевтического поворота в культуре состоит в повсеместном распространении методов психотерапии, ее языка, способов аргументации, императивов и оценок за пределы диалога «врач – пациент». Психотерапевтический дискурс становится доминирующим способом осмысления и интерпретации событий частного и общественного характера. Фокусом терапевтической интеракции выступает внутренний мир индивида, его Я, которому предписываются непрерывное самосовершенствование, самореализация, стремления к успеху, счастью и благополучию в соответствии с консьюмеристской логикой рынка. С культурно-терапевтической точки зрения, продолжают Лернер и Ривкин-Фиш, эмоции – это зеркало аутентичного Я и средство непрерывного мониторинга переживаний и поступков, приведение их к надлежащему «общему знаменателю». Терапевтический этос проникает во все сферы рациональности и рефлексии в контексте рыночной экономики: он является базовым способом мышления и эмоционально окрашенных поведенческих реакций на внутренние и внешние события.

Таким образом, терапевтический поворот в культуре – это «способ формирования публичных представлений о самых разных явлениях и процессах в частной и публичной сферах жизни общества с использованием интерактивных паттернов суждений, оценок и действий» [Lerner, Rivkin-Fish, 2021, p. 6]. Эти паттерны конституируют внутренний мир индивида, включая чувство Я, и весь спектр его отношений с миром внешним – от романтических до институциональных. «В наше время эмоции по большей части становятся терапевтическим феноменом», – резюмируют свою мысль авторы [Lerner, Rivkin-Fish, 2021, p. 7].

Мощный потенциал терапевтической эмоционализации выходит за рамки приватной жизни индивида; он создает условия для превращения эмоций и эмоционально окрашенных переживаний и действий в непреложную истину. Сегодня выражение «я чувствую» обладает значительно большим социальным весом, чем традиционная фраза «я думаю». Эмоционализация социальной жизни в рамках терапевтической культуры находит все новые и новые формы своего проявления в публичных сферах, реализуя себя в социальных представлениях (политических, управленческих, организационных, профессиональных). Логика управления внутренним Я становится главным фактором формирования социальных категорий и институциональных ролей, включая трансформацию идентичностей разного уровня.

Значение эмоциональных составляющих таких публичных сфер, как политика, СМИ и религия, является предметом обсуждения социальных аналитиков с конца 1990-х годов. Однако именно сегодня становится все более очевидным тот факт, что эмоционально-психологические паттерны мышления участвуют в конституировании и трансформации гораздо более широкого спектра явлений общественной жизни и культуры (институты управления и администрирования, бюрократическая система, здравоохранение, образование, способы урегулирования конфликтов, групповая и национальная идентичность, социальная дискриминация). Эмоции формируют публичный дискурс социальных движений, определяют риторику борьбы за социальную справедливость и равенство, логику осмысления таких феноменов, как коллективная вина, культурная память и покаяние. Эмоционализация в контексте терапевтической культуры создает «подмостки» для пересмотра отношений власти и предоставляет для этого тот или иной язык. Поэтому «рекрутирование эмоций» в публичные сферы следует расценивать как «одну из самых действенных форм социального капитала в современном обществе», поясняют свою мысль Лернер и Ривкин-Фиш [Lerner, Rivkin-Fish, 2021, p. 8]. Влияние такого капитала на индивидуальные и социальные практики неоднозначно. С одной стороны, происходит своего рода коммодификация эмоций, подчинение их логике консьюмеризма; с другой – эмоциональная саморефлексия и мониторинг внутреннего мира способствуют элиминации риторики насилия и агрессии, повышают

социальную ценность эмпатии и заботы, а также гуманистически ориентированной политической культуры и коллективной идентичности [Lerner, Rivkin-Fish, 2021, p. 9].

Примером глобальной эмоционализации современной культуры, разворачивающейся в режиме реального времени, может служить коллективный дискурс, связанный с пандемией COVID-19. Распространение неизвестного вредоносного вируса сопровождается глубокими, негативно окрашенными эмоциональными переживаниями – страхом, страданием, печалью, мрачными предчувствиями, паникой, «экзистенциальной неопределенностью» – в масштабах человечества. Вместе с тем эмоционализация затрагивает публичную риторику обсуждения пандемии в СМИ, циркулярах ВОЗ, телеобращениях политических и религиозных лидеров, интервью со звездами шоу-бизнеса и авторитетными эпидемиологами. В этих выступлениях и публикациях преобладает эмоциональное прочтение происходящего как в первую очередь ментального события. Доминирующие темы – забота о себе и своих близких и рецепты борьбы со стрессом и страхом. Даже в рекомендациях ВОЗ (имеются в виду циркуляры 2020 г.) на первый план выходят эмоционально-терапевтические, а не социально-политические аспекты опыта пандемии (изменение национальных систем здравоохранения, сотрудничество эпидемиологов и вирусологов из разных стран, объединение ресурсов для преодоления экономических и психологических последствий локдауна и социального дистанцирования и т.п.).

В заключение Лернер и Ривкин-Фиш очерчивают перспективы социального анализа эмоций в публичных сферах. К таковым, по мнению авторов, относятся: а) эмпирический анализ эмоционально-психологических факторов трансформации национальных, коллективных и групповых идентичностей в глобальных контекстах XXI столетия; б) изучение влияния эмоционально насыщенных состояний и публичной риторики в профессиональных сферах (медицина, здравоохранение, образование); в) выявление каналов и форм эмоционализации политической жизни (политические режимы, конфликты, иерархии и структуры власти) [Lerner, Rivkin-Fish, 2021, p. 10].

Австралийские социологи Ребекка Олсон (Квинслендский университет, г. Брисбен), Альберто Беллокки (Квинслендский тех-

нологический университет, г. Брисбен) и Энн Дадич (Университет Западного Сиднея) предлагают отказаться от традиционного «монологического» изучения социоэмоциональной реальности в пользу мультипарадигмального ее осмысления [Olson, Bellochi, Dadich, 2020]. Первый подход, который доминирует в современной социологии эмоций, ориентирует исследователя на ту или иную (однуединственную, исчерпывающую) теоретическую модель и ассоциированные с ней методы. Новый формат анализа, который авторы именуют постпарадигмальным, апеллирует к многообразию исследовательских логик и теоретических позиций в рамках одного и того же проекта и ставит во главу угла не только методологическое, но и эпистемологическое разнообразие [ibid., p. 157]. Постпарадигмальный анализ – это изучение эмоций и их функций в конкретном социальном контексте с использованием разных теоретических (и метатеоретических) позиций, методов и точек зрения, а также различающихся теоретических перспектив и методологий. Особенности нового подхода, по мнению его создателей, состоят в следующем.

Во-первых, предложенный вариант осмысления социоэмоциональной реальности не следует путать с призывом к «смешению методов», популярным среди современных социологов. Практики применения смешанных методов (как аналитических, так и эмпирических), как правило, оставляют за скобками вопрос об эпистемологической базе используемых инструментов исследования и имплицитно тяготеют к какой-либо одной парадигме и ее методологическому арсеналу. Новый подход, напротив, ставит во главу угла разнообразие философско-эпистемологических оснований исследовательской работы социолога и, соответственно, разнообразие, но не смешение методов. Во-вторых, новый подход ни в коей мере не дискредитирует эвристической роли и потенциала существующих парадигм осмысления социоэмоциональных аспектов реальности и не стремится вытеснить их в качестве всеохватывающей концептуальной модели. Постпарадигмальный анализ предполагает пересмотр отношений между традиционными парадигмами, которые должны не столько оспаривать правомерность иных точек зрения, сколько демонстрировать многообразие социологической концептуализации эмоций в разных социальных сегментах. В-третьих, мультилогический формат не претендует на

роль единственно верного, исчерпывающего варианта изучения эмоций в социальном мире – он представляет собой «оценку эмпирически многослойных и дискурсивно нагруженных значений эмоций, которые становятся доступны для осмысления в конкретных социальных ареалах благодаря разнообразию адекватных исследовательских методов» [Olson, Bellochi, Dadich, 2020, p. 178].

Постпарадигмальная перспектива, продолжают свои рассуждения Олсон и ее коллеги, открывает путь к идентификации разнообразных способов, посредством которых эмоции «проникают» в жизнь общества. В данном случае социологи не столько интересуются вопросом о том, чем *являются* эмоции, сколько стремятся выяснить, что они *делают*. Поэтому цель социологического исследования – это анализ контекстов и способов, посредством которых эмоции (и их теоретические модели) «дискурсивно позиционируют людей и определяют, что именно мы замечаем и / или игнорируем» в социальном мире [Olson, Bellochi, Dadich, 2020, p. 157]. В конечном счете, резюмируют свою позицию авторы, постпарадигмальная логика изучения эмоций в социальной реальности содержит призыв к дифференцированному (но не взаимоисключающему) применению разных теоретических моделей для мультифокального анализа того или иного фрагмента социальной реальности в рамках одного и того же проекта.

Авторы подчеркивают, что их призыв к мультилинейному изучению социальных функций эмоций не является абсолютной новацией. С конца XX столетия социологи неоднократно высказывали аналогичные идеи, настаивая на необходимости теоретической и методологической «мультифокальности» интерпретаций, что позволит акцентировать эпистемологическое, теоретическое и методологическое многообразие способов осмысления эмоций [Scheff, 1997; Pernecky, 2016]. Тем не менее в этой сфере социального анализа все еще преобладает фрагментация знания и теоретико-методологический ригоризм.

Переходя к изложению своей постпарадигмальной программы, Олсон и ее соавторы подчеркивают, что социологическая традиция трактует эмоции как физиологический, культурный и / или социальный феномен, акцентируя, как правило, какой-либо один из этих параметров. В отличие от психологических толкований эмоций, сфокусированных на индивиде как их носителе и субъек-

те, социология эмоций с конца 1970-х годов трактует этот феномен как «реляционный и воплощенный». И все же, как показывает контент-анализ ведущих тематических журналов, в подавляющем большинстве исследований используется лишь одна парадигма / теоретическая модель и, соответственно, один тип методологии [Olson, McKenzie, Patulny, 2017].

Картирование аналитических и эпистемологических тенденций, характерных для последних десятилетий развития социологии эмоций, позволило авторам статьи выделить четыре базовые парадигмы (и соответствующие им методы сбора и анализа эмпирических данных): постпозитивизм; социальный конструкционизм; парадигма «освобождения» (эмансипаторная) и парадигма участия (партиципаторная) [Olson, Bellochi, Dadich, 2020, p. 160]. Постпозитивизм ставит во главу угла физиологические составляющие эмоциональных реакций людей и социальных групп (мимика, жесты, изменение температуры тела, учащенный пульс и т.п.). Свое начало «физиологический» подход берет в учении Ч. Дарвина, который полагал, что существуют универсальные базовые эмоции и соответствующие физиологические способы их выражения. В современных исследованиях в рамках постпозитивизма аналитическим фокусом служат биомаркеры коллективных и групповых эмоциональных реакций, которые подлежат измерению, мониторингу и видеофиксации. Социальная реальность предстает здесь как объективная и единственная, не зависящая от сознания людей. В терминах эпистемологии данные, собранные путем наблюдения и измерения, считаются истинными, т.е. отражающими реальность, а социолог занимает позицию нейтрального, независимого наблюдателя и непредубежденного исследователя. Недостатком данного подхода принято считать старомодную универсализацию эмоций вне социального и исторического контекстов их физических проявлений; к достоинствам можно отнести тщательный мониторинг физиологических аспектов подвижных эмоциональных состояний и прочтение их в качестве краткосрочных социальных событий, достойных скрупулезного анализа [ibid., p. 163].

Социологи, отдающие предпочтение социальному конструкционизму, акцентируют культурные и институционально-организационные составляющие эмоционального поведения групп и локальных сообществ. В рамках конструкционистской парадигмы

эмоции квалифицируются как совокупный результат интеракций, которые имеют место в конкретных социальных контекстах. Социоэмоциональная реальность приобретает, таким образом, многообразный, подвижный и изменчивый характер: она создается (конструируется) в соответствии с локальными правилами эмоционального поведения, которые поддерживаются культурной традицией либо диктуются организационно-институциональными нормами. Очевидно, что в этом случае исследователь не может сохранить статус объективного наблюдателя – он вовлекается в процесс локального конструирования эмоциональных ответов на социальные события и становится соучастником взаимодействия объектов своего исследования. В его задачу входят фиксация и анализ «множественных эмоционально окрашенных голосов», звучащих здесь и сейчас. Именно этот аспект конструкционистской трактовки эмоций как моментальных снимков тех или иных фрагментов социоэмоциональной реальности в режиме реального времени и пространственной локализации составляет главное достоинство подобных теоретических моделей; их недостатком является игнорирование прочих, физиологически обусловленных или субъективных параметров эмоциональных реакций [Olson, Bellochi, Dadich, 2020, p. 166].

Эмансипаторная парадигма служит основанием для исторических и критических подходов к осмыслению социальных функций эмоций. Отправным пунктом подобных теоретических моделей служит тезис о «релятивности наших представлений о том, что такое эмоции» [Olson, Bellochi, Dadich, 2020, p. 167]. Критическая рефлексия, касающаяся роли эмоций, восходит к трудам Фомы Аквинского и Р. Декарта, которые расценивали эмоции как помеху разуму. В нынешнем столетии критический пафос в отношении эмоциональных составляющих жизни общества превалирует в таких мировоззренческих схемах, как марксизм, постструктурализм, феминизм и постколониальные исследования. В рамках перечисленных подходов эмоции трактуются как инструмент или способ маскировки различных форм социального неравенства и подавления, поскольку эмоциональные реакции с необходимостью транслируют ценности привилегированных слоев общества, наделенных реальной властью. Таким образом, эмоции формируются в соответствии с доминирующими ценностными системами (культурны-

ми, политическими, экономическими, гендерными) и сами участвуют в их формировании, переводя соответствующие ценностные иерархии в плоскость публичного дискурса и социальных представлений. Поэтому главный аналитический инструмент критически ориентированного социолога – это дискурсивный анализ. Реальность (единственная или множественная) подвергается постоянному воздействию ценностных систем (неолиберализм, колониализм, сегрегация и т.п.); от их воздействия не свободен и сам социальный аналитик, который неосознанно фильтрует полученное знание с помощью субъективной системы ценностей. В конечном счете цель исследователя – «заинтересованный анализ» эмоциональных проявлений социального неравенства, транслируемых в дискурсе, с перспективой их «переосмысления» в терминах эмансипации социально незащищенных групп [Olson, Bellochi, Dadich, 2020, p. 160]. Увлечение дискурсивной стороной эмоциональных ответов на социальные запросы (в ущерб их осязаемым, материальным проявлениям) принято считать главным недостатком эмансипаторных подходов.

Партисипаторная схема осмысления социоэмоциональной реальности включает в себя теоретические модели, дифференцирующие эмоции и аффекты как феномены принципиально разной природы. Данная исследовательская тенденция является следствием «аффективного поворота» в социальном знании, который берет начало в работах Ж. Делёза первой половины 1980-х годов. В данном случае эмоции трактуются как индивидуальные, субъективные, психологические, статичные явления, тогда как аффекты считаются внеличностными / надличностными состояниями, находящимися в процессе постоянного становления и турбулентности. Эмоции по большей части эфемерны, аффекты же имеют воплощенный характер; они являются не переживанием, а побудительным фактором к социальному / коллективному действию, способом его мотивации с участием «и души, и тела». Реальность в этом случае понимается как объективно существующая и одновременно воплощенная в субъективном опыте. Результаты работы социолога – это плод совместного участия аналитика и локально позиционированных объектов его проекта; особая ценность придается эмпирическому и практическому знанию. Социальный исследователь, таким образом, наделяется функцией «движителя», или побудительной

силы, которая содействует трансформации наличного положения дел и участвует в такой трансформации. Недостатком партисипаторных интерпретаций социальных функций эмоций (аффектов) служит односторонняя их трактовка в качестве мотива социальных действий и стимула к изменению status quo в ущерб содержательному осмыслению этих феноменов как таковых [Olson, Bellochi, Dadich, 2020, p. 170].

В заключение Р. Олсон и ее соавторы подчеркивают, что предпринятый ими метатеоретический анализ позволяет сделать вывод о наличии общей позиции, характерной для четырех базовых парадигм. Это социологическое прочтение эмоций в качестве многоаспектной социальной реальности, которая имеет интерактивную (реляционную) природу и подлежит анализу в контексте множественных интерпретативных логик и исследовательских методологий [Olson, Bellochi, Dadich, 2020, p. 172].

Немецкие исследователи Андреас Шмитц (GESIS – Институт социальных наук им. Лейбница) и Юдит Эккерт (Университет Дуйсбург-Эссен) анализируют социологический дискурс применительно к одной-единственной эмоции – чувству страха, которое часто называют базовой характеристикой общества позднего модерна [Schmitz, Eckert, 2022]. Авторы считают, что популярные сегодня теоретические модели страха испытывают острый дефицит адекватных понятий, концепций и методов исследования, и намечают контуры «генеральной (обобщенной) теории страха», с помощью которой этот эмоциональный феномен займет надлежащее место в современном социальном знании. Аналитическая переориентация доминирующих способов концептуализации страха, на которой настаивают Шмитц и Эккерт, предполагает выявление и критический анализ целого комплекса недостатков и заблуждений, «ограничивающих и сужающих горизонты современной социальной науки», что особенно заметно на фоне настоящего социологического бума в осмыслении страха и его социальных функций на рубеже XX–XXI вв. [Schmitz, Eckert, 2022, p. 275]. Авторы выделяют восемь теоретических и метатеоретических «недостатков», которые препятствуют адекватной трактовке страха в качестве социально значимого феномена современности.

1. Индивидуализация, психологизация и патологизация опыта страха в качестве эмоционального состояния, присущее

го отдельной личности. В такой трактовке источником страха становится внутренний мир человека и его личностные, в том числе девиантные особенности, которые и определяют формы переживания страха и его публичного выражения. В итоге многообразие социальных измерений страха, подробно описанных антропологами, социологами, историками культуры нынешнего и прошлого столетий, остается невостребованным – при том, что эмпирические исследования с очевидностью демонстрируют социальный генезис и социальную дифференциацию чувства и опыта переживания страха и его воздействия на индивидов, социальные группы и общество в целом. Страх – это состояние, которое формируется и проявляется в соответствии с действующими социальными канонами – культурными, историческими, институциональными, организационными, дискурсивными и т.п. Поэтому обобщенная теория страха предполагает системное изучение каналов и способов, посредством которых происходит взаимодействие и взаимовлияние социальных систем и эмоции страха, т.е. того, как «общество вовлекается в процесс продуцирования, оформления и репрезентации страха» и каким образом страх, в свою очередь, участвует в (ре)конституировании общества (формирование ингрупповой и прочих форм коллективной идентичности, интеграции, солидарности и социальных представлений) [Schmitz, Eckert, 2022, p. 276].

2. Концептуализация страха как эксклюзивной характеристики современности. Социологи придают исключительное значение эмоциональным составляющим общества позднего модерна, в первую очередь – страха; подтверждением этому могут служить описания и дефиниции современности в терминах культуры страха, общества страха, публичной паники или текучего страха. По мнению большинства социальных аналитиков, в нынешнем столетии страх, его переживание и эмоциональный опыт достигли небывалых масштабов (как в количественном, так и в качественном проявлениях). Эта ключевая характеристика современности активно обсуждается в академической науке, муссируется на страницах околonaучных и популярных изданий, присутствует в литературе, кинематографе и в обыденных представлениях широкой публики. И хотя обостренное чувство страха и опасности, действительно, характерно для современной эпохи, их

роль и социальное воплощение должны рассматриваться в сравнительной исторической перспективе. Беглый взгляд на работы социологов прошлого века показывает, что анализ любого из предшествующих десятилетий непременно затрагивал тему страха как одного из существенных составляющих жизни общества. В современных же концепциях страха присутствует тенденция, которую Элиас назвал «отступлением в настоящее», т.е. осмыслением текущего безотносительно к историческим контекстам и событиям прошлых эпох. Для того чтобы избавиться от этого порока, современной социологии эмоций достаточно обратиться к классическим и историко-культурным социальным моделям (Э. Дюркгейм, М. Вебер, М. Элиас), где так или иначе освещается социально-созидательный потенциал страха (мотивирующая функция страха в процессе моральной интеграции традиционных обществ; роль протестантизма в формировании современного капитализма; «участие» страха в европейском цивилизационном процессе). Таким образом, осмысление страха в терминах обобщенной социологической теории предполагает самое пристальное внимание к социально-историческому (в том числе – аффективному) контексту [Schmitz, Eckert, 2022, p. 277].

3. Использование «спонтанной социологии» в качестве объясняющей модели функций страха в жизни общества. Спонтанная социология (в трактовке П. Бурдьё) предполагает следование обыденным, естественным, само собой разумеющимся, очевидным объяснениям и интерпретациям социальных событий и процессов (в данном случае – эмоции страха) в научном дискурсе и в повседневных практиках. Полем действия спонтанной социологии, помимо обыденных суждений и оценок широкой публики, могут выступать такие сферы публичной жизни, как политика, телевидение, пресса и, как это ни парадоксально, научные теории. В последнем случае категория страха превращается в «экспланандум» – исчерпывающее логическое объяснение тех или иных социальных феноменов и экспликацию их генезиса и публичных функций. Примером такого превращения могут служить научные и обыденные дискуссии на тему вакцинации в период пандемии COVID-19: страх перед последствиями прививки от неизвестного вируса нередко вытеснял осознание реальной опасности для тех, кто отказался от вакцинации. В политике спонтанная социология

занимает лидирующее место в интерпретации правого популизма, тогда как манипулирование этим эмоциональным состоянием можно обнаружить и в других политических и социальных движениях. Обобщенная социологическая теория страха, таким образом, должна оставить в прошлом суждения «здорового смысла» и обыденные трактовки социальных феноменов, заменив их самым тщательным анализом альтернативных представлений и роли «неожиданных» социальных акторов (например, использовать категорию «политика страха» для осмысления всего спектра политической жизни общества) [Schmitz, Eckert, 2022, p. 278].

4. Асимметрия в трактовках страха как объекта фундаментальной теории и эмпирических исследований. Эмоцию страха, за редким исключением, принято рассматривать с точки зрения ее дисфункциональных и деструктивных последствий для личности, группы и общества. Страх – это «системная инверсия» тех эмоциональных параметров социальной жизни, которые расцениваются как функционально значимые с точки зрения их позитивной, созидательной силы в публичных пространствах. При этом феномен страха как таковой практически никогда не принимается в расчет при разработке теоретических моделей в социальном знании – в лучшем случае он становится довеском к уже готовой концепции. Иными словами, страху отводится исключительно негативная роль в социальных контекстах самого разного уровня. Между тем классическая социология, а также антропологические и кросс-культурные исследования середины прошлого века убедительно доказывают, что опыт переживания страха обладает специфическим созидательным социальным потенциалом (интегративным, коммуникационным, смысловым, интерактивным). Другими словами, очевидная разрушительная сила страха уравнивается в социальных пространствах его имплицитными позитивными последствиями для групп, сообществ и общества в целом (например, в ходе конституирования групповых и иных видов социальной и личностной идентичности). Более того, страх нередко является *vis-a-vis* таким эмоциональным состоянием, которые однозначно считаются позитивными (любовь и страх утратить привязанность любимого; удовольствие от просмотра триллеров и т.п.). Таким образом, обобщенная теория страха предполагает уравновешенное, комплексное, «симметричное» прочтение этого

феномена и его последствий как разрушительных и созидательных одновременно [Schmitz, Eckert, 2022, p. 279].

5. Редукция страха к его социальной дисфункциональности. Эта тенденция в социологии эмоций является следствием интерпретации страха как исключительно негативного эмоционального опыта – как для индивида, так и для общества. Между тем в последние годы социологи (в том числе – один из авторов настоящей статьи) выявили немало реальных доказательств продуктивности страха как движущей силы социальной трансформации и ключевых социальных процессов (социализация, коммуникация, легитимация отношений власти, структурирование общества, поддержание социального и символического порядка, сплочение, солидарность, интеграция) [Schmitz, Flemmen, Rosenlund, 2018]. Существенно также «участие» страха в становлении и сохранении социальных институтов как эффективных / неэффективных механизмов сдерживания социальной паники и управления ею в масштабах социальной системы. Таким образом, обобщенная социологическая теория страха предполагает нейтральную (агностическую) позицию ученых применительно к негативным / позитивным и деструктивным / продуктивным социальным функциям этого феномена [Schmitz, Eckert, 2022, p. 280].

6. Дефицит исследовательской рефлексии и саморефлексии. В ходе эмпирической и полевой работы исследователь неосознанно дистанцируется от жизненного мира и негативных эмоциональных состояний тех, за кем он ведет наблюдение. При этом он выбирает такие методы, которые кажутся ему объективными, т.е. отражающими реальную эмоциональную жизнь респондентов. На самом деле эти методы служат защитными механизмами для исследователя, оберегая его от вовлечения его самого, его жизненной позиции и эмоций в контекст переживаний объектов наблюдения. Дефицит рефлексивности со стороны социального наблюдателя в отношении методов его работы оборачивается искажением реальной эмпирической картинки и поверхностной, а порой и весьма субъективной ее репрезентацией в научных отчетах и обобщениях. Требование рефлексивности в отношении методов работы и позиции исследователя распространяется и на процесс генерирования им теоретических экспликаций и определений самого феномена страха. В данном случае необходимо дифференцировать реальные

лики страха и субъективное, иррациональное беспокойство, в том числе патологического или девиантного характера. Исследователь обязан выявлять реальные социальные функции страха как отличные от тех, которые связаны с социальной позицией и статусом акторов, включая свои собственные трактовки этого феномена. Наконец, исследователю необходимо принимать во внимание тот неочевидный факт, что он не только анализирует социальный потенциал страха, но и оказывается невольным участником процесса его генерирования. Примером этого могут служить неоднозначные последствия научных объяснений причин пандемии COVID-19 и сценариев ее развития. Публикации, нацеленные на просвещение широкой публики и снижение уровня социального беспокойства, одновременно становятся источником новых страхов и недоверия в отношении экспертных суждений. Таким образом, обобщенная социологическая теория страха требует от исследователя-практика постоянного рефлексивного сопоставления своей собственной жизненной и научной картины мира (включая опыт переживания страха) с исследовательской практикой и ее последствиями в разных социальных сегментах. Рефлексивная позиция будет в данном случае способствовать созданию релевантного образа объектов наблюдения, ассоциированных с эмоцией страха, а также преодолению скрытых сложностей при разработке ее дефиниций [Schmitz, Eckert, 2022, p. 281].

7. Западный фокус интерпретаций страха. Осмысление феномена страха и его последствий для индивида, группы и общества в работах социологов наших дней ограничивается западным контекстом, поэтому в поле зрения ученых попадают только те атрибуты и проявления страха, которые характерны для глобального Севера, тем более что в большинстве своем эти исследователи сами являются представителями западного мира и западной культуры. Эта тенденция проявляет себя при обсуждении источников состояния страха применительно к отдельному индивиду, коллективам, локальным сообществам, социальным системам в целом. Результатом «прозападного» прочтения этого феномена служит предвзятость и селективность при отборе эмоциональных объектов как предмета исследования, их атрибуции и толкования присущих им социальных функций. Следуя интеллектуальной традиции европейского Просвещения, социологи тщательно диф-

ференцируют сферы рационального и иррационального опыта. В рамках этой логики страх предстает досадным спутником позитивных эмоциональных состояний, как их «нерациональный дублер». Страх понимается как состояние / переживание, базирующееся на неадекватном восприятии и искаженной оценке степени рисков, ассоциирующихся с тем или иным социальным объектом: страх – это оборотная сторона социальных предубеждений и предрассудков, которые также принадлежат сфере, не контролируемой разумом. В соответствии с этой объяснительной схемой, преодоление страха и его деструктивных последствий для индивида и общества возможно на путях его рационализации и объективации, т.е. с помощью просвещения широкой публики. Здесь ключевая роль принадлежит ученым, которые могут предоставить обоснованные объяснения и позитивные сценарии будущего. В конечном счете, иррационализация страха и его генезиса обедняет понимание этого эмоционального феномена, обусловленного, в том числе, локальными, социокультурными и историческими обстоятельствами (например, культурными условиями и традициями глобального Юга) и специфической картиной мира (идеологической, аффективной, моральной и т.п.). Таким образом, обобщенная социология страха предлагает исследователям сделать акцент на сопоставительных методах теоретической и эмпирической работы, что будет способствовать децентрализации современного социологического дискурса, касающегося страха и его социального облика [Schmitz, Eckert, 2022, p. 282].

8. Разделение труда при оценке страха как социального явления. Разнообразие форм и методов исследования феномена страха в современном социальном знании способствует продуктивному расширению сфер и направлений мультидисциплинарного осмысления этого аспекта жизни общества. Вместе с тем данная тенденция осложняет диалог представителей разных дисциплин и сторонников разных подходов, которые очень часто не подозревают о существовании принципиально иных либо, напротив, близких концептуальных схем и методов и не «слышат» друг друга. Можно наметить следующие направления фрагментации современного знания, касающегося феномена страха, которые препятствуют продуктивному междисциплинарному и внутридисциплинарному диалогу. В первую очередь следует упомянуть взаимную изоля-

цию количественных и качественных подходов и проектов: в одном случае фокусом исследовательской работы является статистика (например, уровень распространения паники или индивидуальных психопатологических состояний); в другом – во главу угла поставлены смысловые и дискурсивные составляющие страха (его социальные значения, способы распространения, социальные акторы и т.п.). Нельзя также игнорировать взаимную изоляцию исследовательских проектов, нацеленных на осмысление страха «здесь и сейчас», с одной стороны, и программ лонгитюдного изучения разнообразных измерений аспектов страха в сравнительной (культурной, исторической, гендерной) перспективе – с другой. Наконец, следует упомянуть о разобщенности концептуализаций страха в рамках разных социальных субдисциплин (криминальный социальный анализ, оценка социального восприятия рисков, изучение гендерных, социально-психологических, организационных, институциональных аспектов). Преодоление этого дисциплинарного разобщения и нестыковки теоретических позиций и методологий составляет одну из главных предпосылок разработки обобщенной теории страха, пишут в заключение свой статьи Шмитц и Эккерт [Schmitz, Eckert, 2022, p. 283].

Список литературы

- Lerner J., Rivkin-Fish M.* On emotionalisation of public domains // *Emotions and society*. – 2021. – Vol. 3, N 1. – P. 3–14.
- Olson R.E., Bellocchi A., Dadich A.* A post-paradigmatic approach to analyzing emotions in social life // *Emotions and society*. – 2020. – Vol. 2, N 2. – P. 157–178.
- Olson R.E., McKenzie J., Patulny R.* The sociology of emotions : a meta-reflexive review of a theoretical tradition in flux // *Journal of sociology*. – 2017. – Vol. 53, N 4. – P. 800–818.
- Pernecky T.* Epistemology and metaphysics for qualitative research. – London : SAGE, 2016. – 248 p.
- Scheff T.J.* Emotions, the social bond and human reality. – Paris : Cambridge university press, 1997. – 249 p.
- Schmitz A., Eckert J.* Towards a general sociology of fear : a programmatic answer to critical deficits of the contemporary fear discourse // *Emotions and society*. – 2022. – Vol. 4, N 3. – P. 275–289.
- Schmitz A., Flemmen M., Rosenlund L.* Social class, symbolic domination and Angst : the example of the Norwegian social space // *Sociological review*. – 2018. – Vol. 66, N 3. – P. 623–644.

Villarreal A. The logistics of fear : violence and the stratifying power of emotion // *Emotions and society*. – 2022. – Vol. 4, N 3. – P. 290–306.

References

Lerner J., Rivkin-Fish M. On emotionalisation of public domains. *Emotions and society*. – 2021. – Vol. 3, N 1. – P. 3–14.

Olson R.E., Bellochi A., Dadich A. A post-paradigmatic approach to analyzing emotions in social life. *Emotions and society*. – 2020. – Vol. 2, N 2. – P. 157–178.

Olson R.E., McKenzie J., Patulny R. The sociology of emotions : a meta-reflexive review of a theoretical tradition in flux. *Journal of sociology*. – 2017. – Vol. 53, N 4. – P. 800–818.

Pernecky T. *Epistemology and metaphysics for qualitative research*. – London : SAGE, 2016. – 248 p.

Scheff T.J. *Emotions, the social bond and human reality*. – Paris : Cambridge university press, 1997. – 249 p.

Schmitz A., Eckert J. Towards a general sociology of fear : a programmatic answer to critical deficits of the contemporary fear discourse. *Emotions and society*. – 2022. – Vol. 4, N 3. – P. 275–289.

Schmitz A., Flemmen M., Rosenlund L. Social class, symbolic domination and Angst : the example of the Norwegian social space. *Sociological review*. – 2018. – Vol. 66, N 3. – P. 623–644.

Villarreal A. The logistics of fear : violence and the stratifying power of emotion. *Emotions and society*. – 2022. – Vol. 4, N 3. – P. 290–306.